„Орловский вестник", 1898., 15 октября, №273, с. 1.

МЧ-2

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(ІЮЛЬ).

Оригинальная бедностраница іюльскихъ книжекъ «Вѣстн. Европы», «Рус. Мысли», «Рус. Богат.» и «Сѣвер. Вѣстн.» (іюнь—іюль) заключаетъ въ себѣ нѣсколько очень интересныхъ произведеній. Не первымъ мѣстомъ среди нихъ можетъ быть поставленъ «Человѣкъ въ футлярѣ» А. Чехова («Русс. Мысль»), въ которомъ авторъ затрогиваетъ одинъ изъ важныхъ современныхъ вопросовъ; современныхъ по въ томъ смыслѣ, что онъ является продуктомъ исключительно нашего времени, а въ томъ, что именно въ послѣднее время наблюдается распространеніе, какъ въ глубину, такъ и въ ширину разсматриваемаго авторомъ явленія, тѣмъ болѣе печальнаго, что оно влечетъ за собою въ результатѣ почти полное ничтожество личности. Авторъ такимъ образомъ опредѣляетъ свою мысль словами Ивана Ивановича.— «А разве то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, лишнихъ непужныя бумаги, сидимъ въ квартѣ—разве это не футляръ?.. Видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, унижаться, не смѣть открыто сказать, что ты на сторонѣ честныхъ, гнобимыхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чиновника»... Какъ видите, вопросъ—очень серьезный, требующій серьезной разработки и соотвѣтственной художественной обработки. Нельзя сказать, чтобы Чеховъ сдѣлалъ все возможное въ этомъ отношеніи. Авторъ нарисовалъ только небольшой уголокъ нашей картины, притомъ нѣсколько дико, по нашему мнѣнію, исключительного героя, что, очевидно, чувствовалъ и онъ по поводу превратнымъ толкованіямъ со стороны читателей, считая нужнымъ поставить свою мысль словами Ивана Ивановича. Главное дѣйствующее лицо разсказа—учитель греческаго языка въ гимназіи, Бѣликовъ. Это человѣкъ, для котораго была жизнь только нарушима и гнетима статьею, что-либо совершающей; всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ принимали его на умѣ, хотя коснулись лишь и не касались его лично. Вообще его преобладаніе въ большинствѣ лиц то, что давали личности проявить свою индивидуальность; онъ чувствовалъ потребность въ чехлѣ опредѣленныхъ правилъ и тѣмъ особенно чувствовалъ ихъ гнетъ, чѣмъ эти рамки были уже. Домашняя обстановка тоже въ нимъ прямо проявлялась любовь къ однообразію и къ опредѣленному роду стѣсненія: онъ запирался послѣ ужина въ комнатѣ и съ ней запирался. Совершенно противное направленіе дано Бѣликову приходъ такого въ гробу, когда футляръ сдѣлался до послѣдней возможности. Интересны отношенія Бѣликова къ людямъ вообще и къ товарищамъ въ частности: со времени его смерти всѣмъ прямо дышалось въ своихъ товарищахъ и вдругъ выдохнулись обильный кислородъ—они почувствовали подавленность товарищескаго отношенія. Нерѣшительность, которая была свойственна Бѣликову, и предшествующія ему событія сами Бѣликова на взгляд

/.../

На этомъ мы и закончим наш обзоръ.

А.